

## Рождение античного политического памфлета: Стесимброт Фасосский

Игорь Е. Суриков

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия;  
Российский государственный гуманитарный университет,  
Москва, Россия, isurikov@mail.ru*

*Аннотация.* Жанр политического памфлета, достигший в Греции высокого расцвета в IV в. до н. э. (Исократ и др.), появился в предшествующем столетии. Обычно его историю начинают с «Афинской политики» Псевдо-Ксенофонта (420-е гг.). Однако в данной статье рассматривается более ранний (видимо, просто самый ранний) памфлетист – Стесимброт Фасосский, писавший во времена Перикла. Его сочинение «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле», сохранившееся фрагментарно, представляло собой весьма живо написанный тенденциозный памфлет (в основном инвективного тона) с некоторыми чертами мемуаров. В статье рассматриваются биографические свидетельства о Стесимброте и дошедшие фрагменты этого его главного труда. Из того, что в нем в негативном свете представлены лидеры радикальной демократии – Фемистокл и Перикл, а в более позитивном – представитель противоположного лагеря Кимон, делается вывод об антидемократической в целом, политической направленности памфлета, что соответствует преобладающей позиции тогдашних греческих интеллектуалов.

*Ключевые слова:* классическая Греция, политический памфлет, Стесимброт Фасосский, Афины, демократия, Фемистокл, Кимон, Перикл

*Для цитирования:* Суриков И.Е. Рождение античного политического памфлета: Стесимброт Фасосский // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 2. С. 70–87. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-2-70-87

## The birth of ancient political pamphlet. Stesimbrotus of Thasos

Igor E. Surikov

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;  
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,  
isurikov@mail.ru*

*Abstract.* The genre of political pamphlet, which reached a high flourishing in Greece in the 4<sup>th</sup> century B.C. (Isocrates and others), appeared in the previous century. Usually scholars begin its history from the “Athenian Constitution” of Pseudo-Xenophon (420s B.C.). However, the article deals with an earlier (evidently, simply the earliest) pamphleteer, Stesimbrotus of Thasos, who wrote in the time of Pericles. His fragmentarily preserved treatise “On Themistocles, Thucydides and Pericles” represented a very lively written tendentious pamphlet (of mainly invective a tone) with some features of memoirs. The article analyzes biographical testimonies on Stesimbrotus and extant fragments of his principal work. As it represents leaders of radical democracy, Themistocles and Pericles, in negative light, but Cimon, a statesman from the opposite camp, is represented in it more positively, the author makes a conclusion on generally antidemocratic political orientation of the pamphlet, and that corresponds with the prevalent position of Greek intellectuals if the period in question.

*Keywords:* Classical Greece, political pamphlet, Stesimbrotus of Thasos, Athens, democracy, Themistocles, Cimon, Pericles

*For citation:* Surikov, I.E. (2023), “The birth of ancient political pamphlet. Stesimbrotus of Thasos”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 70–87, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-2-70-87

В IV в. до н. э. мы застаем жанр политического памфлета в Древней Греции уже в сложившемся состоянии. Прежде всего упоминается в данной связи, конечно, имя Исократа, чьи сочинения отчетливо памфлетного характера – «Панегирик» (380 г. до н. э.), «Ареопагитик» (дата дискуссионна), «О мире» (355 г. до н. э.), «Филипп» (346 г. до н. э.), «Панафинейская речь» (339 г. до н. э.) и др. – имели широкую популярность, становились влиятельными, во многом определяли текущие в жизни эллинских полисов процессы. Если эти памфлеты были посвящены общим вопросам государственного устройства, межполисных отношений и т. п., то наряду с ними существовали и иные – по проблематике более конкретной, в том числе личностной. Можно говорить, в частности,

о памфлете-инвективе, направленном на дискредитацию тем или иным способом (не обязательно прямым) политического противника. Именно инвективой такого рода следует признать так называемую IV речь корпуса Андокида «Против Алкивиада» [Furley 1989, S. 139; Heftner 2001; Eder, Heftner 2002, S. 278], написанную даже раньше большинства произведений Исократа – в 390-х гг. до н. э., причем, как мы доказывали в другом месте [Суриков 2006, с. 429–442], действительно принадлежащую перу оратора и политического деятеля Андокида.

Жанр памфлета, следует отметить, был специфичен в том отношении, что, похоже, еще не воспринимался в классической Греции именно в качестве специального жанра, со своими особыми канонами и приемами. Памятники памфлетной литературы маскировались под произведения других жанров, например под исторические труды, но чаще всего – под ораторские речи. Именно так поступал Исократ: его памфлеты дошли до нас как речи, и «речи» эти создали ему уже в античности репутацию одного из десяти величайших афинских ораторов. Однако следует помнить, что они никогда не были произнесены их автором с трибуны, а тиражировались и в таком виде циркулировали среди образованной публики.

Иными словами, такие речи были заведомо фиктивными, они могли писаться как от лица действительного автора (так работал, например, Исократ), так и от чужого лица; здесь мы уже на границе между фикцией и практикой псевдонима. В частности, вышеупомянутая IV речь корпуса Андокида «говорится» как бы Феаком, второстепенным политиком последней четверти V в. до н. э.<sup>1</sup> Если памфлеты на общие темы имитировали приемы паренетического, иногда эпидиктического красноречия, то памфлеты-инвективы больше ориентировались на нормы красноречия судебного.

Обратимся теперь от IV в. до н. э. к предшествующему столетию, когда жанр, о котором идет речь, как раз рождается. Об этом этапе его эволюции, к сожалению, данных значительно меньше. Известно, что в период Пелопоннесской войны 431–404 гг. до н. э. и непосредственно после нее имели широкое хождение политические памфлеты [Rhodes 1985, p. 368], во многих из которых критиковалась радикальная демократия и звучали призывы к реставрации «отеческого государственного устройства»<sup>2</sup>. Но ни одно из такого рода сочинений не дошло до нас (особняком стоит труд Псевдо-Ксенофонта, о котором будет сказано чуть ниже).

<sup>1</sup> Об этой личности см. [Nails 2002, pp. 229–231].

<sup>2</sup> Об этом концепте см. [Fuks 2010].

Сохранились два фрагмента из памфлета, автором которого является Антифонт – весьма видная фигура рассматриваемого времени (значение личности и деятельности этого олигархического лидера, оратора и философа-софиста в полной мере продемонстрировал М. Гагарин [Gagarin 2002]). Памфлет назывался «Поношения Алкивиада» (заметим, опять перед нами Алкивиад – настолько властно эта личность притягивала к себе внимание общественного мнения) и, несомненно, относился к инвективному типу. Приведем цитату из него:

«После того, как опекуны<sup>3</sup> признали тебя совершеннолетним, ты, получив от них свое имущество, морем отправился в Абидос – не потому, что у тебя там имелось какое-нибудь частное дело или ты был прокшеном этого города; нет, ты по беззаконию своему и по развратности души желал научиться у абидосских женщин подобному же образу действий, чтобы его и придерживаться в своей дальнейшей жизни» (Antiph. fr. 67 Blass – Thalheim = Athen. XII. 525b).

Из этой цитаты видно, что Антифонт в своем памфлете обращался к Алкивиаду напрямую, во втором лице, – очевидно, чтобы предельно последовательно подражать жанру судебной речи.

Чаще всего 420-ми гг. до н. э., т. е. опять же временем Пелопоннесской войны (ее первой половины), датируют самый знаменитый из памфлетов классической эпохи, текст которого к тому же мы имеем в своем распоряжении полностью. Ясно, что мы имеем в виду «Афинскую политию» Псевдо-Ксенофонта – условно так именуемого неизвестного писателя, к которому в англоязычной литературе накрепко приросло прозвище «Старый олигарх»<sup>4</sup>, хотя на самом деле он скорее всего и старым отнюдь не был (дух произведения выдает в его авторе выученика софистов), и таким уж убежденным олигархом не являлся. Х.Р. Тумансу удалось убедительно показать [Туманс 2004], что сочинение, о котором идет речь, являет собой диалогическую структуру; его содержание – не проповедь олигархии, а, в сущности, спор двух лиц, одно из которых выступает как решительный противник демократического государственного устройства, а другое, тоже будучи от него не

---

<sup>3</sup> Опекунами Алкивиада после гибели его отца были Перикл и его брат Арифрон (о Перикле знают все, об Арифроне см. [Суриков 2021, с. 384–392]).

<sup>4</sup> См. хотя бы наиболее фундаментальный труд об этом сочинении: [Marr, Rhodes 2015].

в восторге<sup>5</sup>, все же признает за ним право на существование. Иными словами, данный труд памфлетного характера имитирует не речи, а скорее знаменитые «антилогии» Протагора.

Именно с трактата Псевдо-Ксенофонта обычно начинают историю политического памфлета в античности. Однако в данной статье речь пойдет о памфлетисте еще более раннем – именно его имя вынесено в заголовок. Стесимброт, возможно, повлиял даже на «отца истории» Геродота [Pelling 2016], и вообще он, видимо, должен быть признан самым ранним представителем древнегреческой памфлетной литературы, о котором что-то известно (и от произведений которого сохранились, по крайней мере, фрагменты, которые далее будут рассмотрены). При этом его нельзя не отнести к таким античным писателям, которые изучены чрезвычайно мало; литературы, посвященной ему, почти нет. Пожалуй, наиболее ценным, что о нем было написано, остается небольшая и довольно давняя работа Ф. Шахермейра «Стесимброт и его труд о государственных деятелях», вначале выпущенная им отдельной брошюрой [Schachermeyr 1965], а затем вошедшая в сборник его *opuscula* разных лет [Schachermeyr 1974, S. 151–171].

Главное, что было создано Стесимбротом, – трактат «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле» (под Фукидидом имеется в виду не историк Фукидид, сын Олора, а его тезка и родственник<sup>6</sup> – политик Фукидид, сын Мелесия, бывший одно время главным конкурентом Перикла). В жанровом отношении этот, повторим, чрезвычайно ранний памфлет был ориентирован не на речи (что получило распространение позже), а на мемуары. Мемуаристика у эллинов к тому моменту (речь идет о третьей четверти V в. до н. э.) тоже как раз только-только зародилась, будучи представлена пока еще только Ионом Хиосским. Ион – отдельная, притом интереснейшая фигура в древнегреческой культуре<sup>7</sup>, но о нем мы, конечно, здесь говорить не будем, тем более что делали это в другом месте [Суриков 2015, с. 618–634].

---

<sup>5</sup> Афинские интеллектуалы и в целом являлись критиками демократии, причем именно демократии как системы, неприемлемой для них, а не отдельных ее недостатков. Наиболее ясно это показано в [Ober 1998]. Исключений почти не было. Попытка С. Фаррар продемонстрировать, что таковым следует считать Фукидида [Farrar 1994, pp. 126–191], не может быть признана удачной.

<sup>6</sup> Видимо, дед, как предположил Г. Уэйд-Гери в своей блестящей статье об этом «другом» Фукидиде [Wade-Gery 1958, pp. 239–270].

<sup>7</sup> Об Ионе Хиосском см. [Jennings, Katsaros 2007] (и весь сборник, введением к которому является эта работа).

Стесимброт, как и Ион, опирался при создании своего основного труда на собственные впечатления и воспоминания и тоже придал повествованию глубоко личный характер. Но если Ион – в большей степени мемуарист, то Стесимброт – в большей степени памфлетист. Или лучше выразимся так: «Путешествия» Иона – мемуары с некоторыми чертами тенденциозного памфлета, а «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле» Стесимброта – ярко выраженный тенденциозный памфлет (в основном инвективного тона) с некоторыми чертами мемуаров.

Биографических данных о Стесимброте, уроженце острова Фасоса в северной части Эгейского моря, чрезвычайно мало. В сущности, мы не знаем о нем почти ничего. Та крайне скудная информация, которая о нем имеется, сейчас будет приведена.

Stesimbr. FGrHist. 107. T1 = Plut. Cim. 4. 5: «А Стесимброт Фасосский, живший почти в одно время с Кимоном...» Почти – это значит, что все-таки не в одно и то же время. Кимон, как мы увидим, тоже упоминался в произведении Стесимброта наряду с его заглавными героями. Но о нем рассказывалось, видимо, с чужих слов (а уж тем более – о Фемистокле), в то время как Перикла и Фукидида, сына Мелесия, наш автор видел лично. Об этом прямо сказано в следующем свидетельстве (Stesimbr. FGrHist. 107. T2 = Athen. XIII. 56, p. 589d): «Стесимброт Фасосский... живший в одни времена с ним (Периклом. – *И. С.*) и видевший его...»

Stesimbr. FGrHist. 107. T3 = Plat. Ion 530c–d (говорит рапсод Ион Эфесский<sup>8</sup>): «Я считаю, что прекраснее всех людей говорю о Гомере, так что ни Метродор Лампсакский<sup>9</sup>, ни Стесимброт Фасосский, ни Главкон<sup>10</sup> и никто другой из когда-либо бывших не могли высказать столь многочисленных и прекрасных мыслей о Гомере, как я». Стесимброт был не только памфлетистом, но также имел репутацию видного специалиста по «гомеровскому вопросу»; у него имелся трактат на эту тему, название которого неизвестно.

Stesimbr. FGrHist. 107. T4 = Xen. Symp. 3. 6 (обращение Сократа к Никерату, сыну известного полководца и богача Никия): «Итак, знаешь ли ты какое-нибудь племя... глупее рапсодов? ...А ты давал много денег и Стесимброту, и Анаксимандру<sup>11</sup>, и многим другим,

---

<sup>8</sup>Его не следует путать с вышеупомянутым Ионом Хиосским (хотя такая путаница случалась уже в античности).

<sup>9</sup>Один из самых знаменитых толкователей Гомера, жил в VI в. до н. э.

<sup>10</sup>Менее известный толкователь Гомера, живший, по всей видимости, в V в. до н. э.

<sup>11</sup>Это, конечно, не знаменитый натурфилософ VI в. до н. э., а его тезка, тоже Анаксимандр Милетский (Младший), – толкователь Гомера и мифограф, живший во второй половине V – начале IV в. до н. э.

так что от тебя не укрылось ничто из вещей, достойных многого». Здесь нужно отметить, что Никерат слыл большим знатоком Гомера. Никий заставил своего сына еще в школьные годы выучить наизусть и «Илиаду», и «Одиссею» и очень гордился этим. Поэтому не случайно, что в связи с Никератом Сократом поднимается вопрос об эпосе и рапсодах.

Stesimbr. FGrHist. 107. T5 = Suid. s.v. Ἀντίμαχος: «Антимах. Колофонянин... А некоторые даже писали, что он был рабом поэта Паниасида, но это полная ложь: ведь он был его слушателем, а также слушателем Стесимброта». Антимах Колофонский был ученым поэтом, жившим в V в. до н. э.; самое известное из его произведений – поэма «Лида», в которой, насколько можно судить, содержалось много исторической мифографии. Другой упомянутый здесь автор, Паниасид Галикарнасский, – один из самых крупных представителей позднего греческого эпоса, а также близкий родственник (видимо, дядя) Геродота. Больше свидетельств о Стесимброте нет. Перейдем теперь к фрагментам его памфлета.

Stesimbr. FGrHist. 107. F1 = Plut. Them. 2. 3–4: «Однако Стесимброт говорит, что Фемистокл и Анаксагора<sup>12</sup> слушал, и занимался у физика<sup>13</sup> Мелисса<sup>14</sup>, но это плохо согласуется с хронологией: ведь Периклу, который был гораздо моложе Фемистокла, Мелисс противостоял в качестве стратега, когда тот осаждал Самос, а Анаксагор с Периклом общался. Итак, большего внимания, может быть, заслуживают те, кто говорит, что Фемистокл был приверженцем Мнесифила из Фреарр<sup>15</sup>...»

Как говорилось выше, у Стесимброта не могло быть каких-то особо достоверных сведений о Фемистокле: он жил позже саламинского победителя и с ним, естественно, не встречался (тем более что Фемистокл с середины 460-х гг. до н. э. жил в Персии

<sup>12</sup> Анаксагор Клазоменский – один из крупнейших философов V в. до н. э. Значительную часть жизни провел в Афинах, Перикл называл его своим учителем.

<sup>13</sup> То есть натурфилософа.

<sup>14</sup> Мелисс Самосский – философ элейской школы (последователь Парменида). Был также видным государственным деятелем и полководцем, неоднократно избирался на Самосе стратегом.

<sup>15</sup> Мнесифил – фигура достаточно загадочная. Источники рисуют его то второстепенным политическим деятелем, советником Фемистокла, то мудрецом и чуть ли не учеником Солона. В науке даже высказывались сомнения в историчности данной личности, но найденные на Керамике остраконы против него (на них его имя так и написано – «Мнесифил из Фреарр») полностью эту историчность подтвердили.

[Суриков 2019]). Но даже и с учетом этого в вышеприведенном сообщении слишком уж много несообразностей, так что оно озадачивает и настораживает. Не мог же, в самом деле, Стесимброт не знать, что и Анаксагор, и Мелисс намного моложе Фемистокла, так что он физически не мог быть их учеником. Коль скоро Стесимброт жил во времена Перикла и, надо полагать, хотя бы бывал в Афинах, Анаксагора он мог даже встречать лично, а про Мелисса как стратега мятежных самосцев (и, стало быть, человека не дряхлого) должен был, конечно, слышать во время афино-самосской войны 440–439 гг. до н. э.). Полагаем, что автор памфлета допустил здесь сознательную инсинуацию – именно в памфлетных целях. В «плюс» или в «минус» он ставил Фемистоклу мнимое ученичество у знаменитых философов – пока сказать трудно; возможно, далее мы встретим данные, которые позволят внести в вопрос некоторую ясность.

Stesimbr. FGrHist. 107. F2 = Plut. Them. 4. 3–4: «С этого времени<sup>16</sup> понемногу увлекая и обращая город к морю, – дескать, в сухопутных сражениях афиняне и с соседями сражаться не способны, а с силой, даваемой кораблями, они смогут и варваров отразить, и над Элладой властвовать, – он (Фемистокл. – И. С.), как говорит Платон, превратил убежденных гоплитов в матросов и моряков и тем дал повод себя упрекать в том, что он, Фемистокл, отняв у граждан копье и щит, унизил афинский народ до гребцовской скамьи и весла. Он сделал это, как повествует Стесимброт, одержав победу над Мильтиадом, который ему возражал».

Не вполне ясно, что следует в данном пассаже относить к Стесимброту – только последнюю фразу о победе Фемистокла над Мильтиадом или также предшествующее ему оценочное суждение об унижении афинского народа Фемистоклом. Более вероятным кажется второй вариант, и, таким образом, выясняется, что отношение Стесимброта к Фемистоклу было скорее отрицательным. Он, похоже, осуждал автора «морской программы» с позиций традиционной полисной гоплитской доблести. Воплощением последней предстает у него Мильтиад, этот «лев Марафона». Может быть, в данном контексте следует трактовать и приписанный Стесимбротом Фемистоклу в предыдущем фрагменте интерес к философии: дескать, напился человек «новомодными учениями» и повлек свой город по неверному пути...

Что же касается главного оппонента Фемистокла и защитника идеи укрепления сухопутных сил, а не флота, обычно в традиции,

---

<sup>16</sup> Со времени начала реализации «морской программы Фемистокла» в 480-х гг. до н. э.

начиная уже с Геродота, эту роль играет, как известно, не Мильтиад, а Аристид, что, конечно, в хронологическом плане более корректно – эти два политика жестко соперничали на всем протяжении 480-х гг. до н. э., а Мильтиада не стало уже в самом начале этого десятилетия. Однако и возможность противостояния Фемистокла с Мильтиадом отрицать не следует. Фемистокл стал архонтом-эпонимом (а в те времена эта должность еще отнюдь не была сиңекурой, какой она стала впоследствии, а давала реальный, весьма высокий вес в политической жизни) еще до Марафонской битвы; насколько можно судить, именно в его архонтат (или чуть позже) в Афины возвратился Мильтиад, изгнанный персами с Херсонеса Фракийского. А именно в год этого архонтата Фемистокла, следует напомнить, началось строительство и укрепление Пирея. Практически несомненно, что Фемистокл уже тогда вынашивал какие-то планы, связанные с морем, Мильтиад стал против его действий возражать, но Фемистоклу удалось отстоять свою линию.

Stesimbr. FGrHist. 107. F3 = Plut. Them. 24. 5 – 25. 1 (речь идет о событиях тех времен, когда Фемистокл был осужден на смерть и объявлен в розыск, но еще не перебрался к персам, поэтому скитался по греческому миру): «Туда же<sup>17</sup> ахарнянин Эпикрат отослал к нему жену и детей, выкрыв их из Афин, и позже Кимон добился осуждения этого Эпикрата на смерть, как повествует Стесимброт. А потом он же, – уж не знаю, забыв ли об этом или Фемистокла изображая забывшим, – говорит, что тот поплыл на Сицилию и просил у тирана Гиерона<sup>18</sup> дочь в жены, обещая сделать эллинов подвластными ему; когда же Гиерон отверг его предложение, Фемистокл отправился в Азию. Но не похоже, что так было...»

Оговорим, что наличие живой супруги само по себе еще не могло воспрепятствовать Фемистоклу набиваться в зятя Гиерону: с женой легко можно было развестись ради более престижной и выгодной партии (тем более что Фемистокл в своей жизни был женат несколько раз, так что лишний брак не был бы для него чем-то принципиально новым), а дети в любом случае остались бы с ним. Впрочем, реальность визита Фемистокла к тирану является крайне маловероятной. Он был осужден и ударился в бег в 467 г. до н. э., и в том же самом году скончался Гиерон, причем перед смертью долго и тяжело болел. Таким образом, и здесь Стесимброт предстает перед нами скорее как тенденциозный памфлетист, чем как объективный историк. Общая же тональность фрагмента

---

<sup>17</sup> Ко двору Адмета, эпирского царя, где на некоторое время Фемистокл нашел убежище.

<sup>18</sup> Гиерон I, знаменитый сиракузский тиран.

по отношению к Фемистоклу вновь является негативной: ему приписывается готовность ради личных благ подчинить Элладу тиранической власти. В следующих нескольких фрагментах речь идет уже о другом выдающемся политике и полководце – Кимоне, сыне Мильтиада.

Stesimbr. FGrHist. 107. F4 = Plut. Cim. 4: «Итак, Мильтиад, наказанный штрафом в пятьдесят талантов и взятый под арест вплоть до уплаты, скончался в тюрьме, а Кимон, оставшийся совсем юношей с сестрой (знаменитой Эльпиникой. – *И. С.*), еще незамужней девушкой, первое время не пользовался славой в городе и имел дурную репутацию человека беспорядочного поведения и любителя выпить, напоминающего своей натурой собственного деда Кимона<sup>19</sup>, которого за глупость, говорят, прозвали Коалемом (“олухом”). А Стесимброт Фасосский, живший почти в одно время с Кимоном, говорит, что он не был обучен ни мусическому искусству, ни какой-либо другой науке из числа свойственных свободным людям и распространенных у эллинов, что от него были совершенно далеки аттические красноречие и словоохотливость, что в его характере было много благородного и искреннего и что он был по складу души скорее муж пелопоннесский – “и груб, и прост, но в подвигах велик”<sup>20</sup>, подобно Еврипидову Гераклу: ведь можно прибавить эти слова к тому, что сказано Стесимбротом. Его еще в молодости обвиняли в том, что он состоял в любовной связи с сестрой. Ведь говорят, что Эльпиника и в целом не была добропорядочного поведения... Но есть и такие, которые говорят, что Эльпиника жила с Кимоном не тайно, а в открытом браке...»

Слова об инцесте с сестрой<sup>21</sup> даются без ссылки на Стесимброта и могут к нему не восходить. Нам даже думается, что они, скорее всего, и не восходят к нему: подобная деталь окрашивала бы образ Кимона в черный цвет, а у Стесимброта дается в целом благоприятная, позитивная характеристика этого человека. Он сравнивается с пелопоннесцем, т. е. фактически со спартанцем (полагаем, здесь еще и намек на лаконофильские убеждения Кимона, по поводу которых см. ниже в связи с фрагментами F5, F6 и F7), и даже с Гераклом. А то, что ему приписывается полная необразованность (однако, согласно свидетельству Иона Хиосского, это не соответствует действительности: Ion FGrHist. 392. F13), – так это для Стесимброта

<sup>19</sup> Кимон Старший – трехкратный олимпийский победитель в состязаниях колесниц, весьма известная личность в Афинах VI в. до н. э.

<sup>20</sup> Стих из несохранившейся трагедии Еврипида цитируется в переводе В.В. Петуховой.

<sup>21</sup> В связи с традицией об этом инцесте см. [Piccirilli 1984].

тоже скорее похвала. Фемистокла фасосский автор не любит, а притом всячески декларирует его философскую изощренность, даже вопреки очевидности.

Stesimbr. FGrHist. 107. F5 = Plut. Cim. 14 (сказано в связи с кампанией Кимона в Северной Эгее, в районе Херсонеса Фракийского и Фасоса, родины Стесимброта): «А он (Кимон. – И. С.), имея, как казалось, возможность оттуда напасть на Македонию и сильно ее разграбить, но не пожелав сделать это, был обвинен в том, что поступил так, получив взятку от царя Александра<sup>22</sup>, и предстал перед судом, причем его враги объединились против него. В защитительной речи перед судьями он говорил, что является проксеном не ионийцев или фессалийцев, – в отличие от других, которые пользуются услугами этих богачей и имеют выгоду от них, – а лакедемонян<sup>23</sup>, подражая и любя их простоту и воздержность, которой он не предпочтет никакое богатство; а гордится-де он тем, что сам обогащает город за счет врагов. Стесимброт же, упоминая об этом суде, говорит, что Эльпиника, моля за Кимона, пришла к дверям Перикла – ведь он был самым серьезным из обвинителей, – а он, улыбнувшись, сказал: “Стара ты, стара, Эльпиника, чтобы хлопотать о таких делах”. Однако на суде, по словам Стесимброта, он был чрезвычайно мягок к Кимону и только один раз, как бы для порядка, высказался в пользу обвинения».

Вряд ли Стесимброт был очевидцем судебного процесса, о котором идет речь: он все-таки жил, как мы видели, не во времена Кимона, а «почти» во времена Кимона, т. е. в годы доминирования Перикла. Интереснее другое: если поведение Перикла на суде – факт публичный, то его беседа с Эльпиникой – факт сугубо частный, и как Стесимброту он мог стать известен? Поскольку беседа, надо полагать, происходила с глазу на глаз, то рассказать о ее содержании мог только кто-нибудь из двух ее участников: либо Перикл, либо Эльпиника. Последняя, заметим, была еще жива на момент окончания войны Афин с Самосом в 439 г. до н. э. (Plut. Pericl., 28), и Стесимброт вполне мог ее застать. Интересна также следующая деталь: Стесимброт был фасосцем, но уроженцем того же острова был и знаменитейший живописец того времени Полигнот, работавший в Афинах при Кимоне (в частности, украшавший картинами Расписную стую). Притом Полигнот был близок к Эльпинике (Plut. Cim. 4). Вполне допустимым поэтому представляется следующий ход мысли: Эльпиника могла поведать о том, что ей сказал

<sup>22</sup> Македонский царь Александр I Филэллин правил в 495–454 гг. до н. э.

<sup>23</sup> В этом месте у Плутарха порча текста, наряду с лакедемонянами совершенно не к месту появляются македоняне, которых издатели атетируют.

Перикл, Полигноту, а последний потом передал ее слова своему согражданину Стесимброту.

Stesimbr. FGrHist. 107. F6 = Plut. Cim. 16. 1–2: «Итак, он (Кимон. – *И. С.*) был с самого начала лаконофилом и из сыновей-близнецов одного назвал Лакедемонием, а другого Элеем. Как повествует Стесимброт, они родились у него от женщины-клиторянки, и поэтому Перикл часто попрекал их происхождением по материнской линии. Но Диодор Периегет<sup>24</sup> говорит, что и они, и третий сын Кимона Фессал родились от Исодики, дочери Евриптолема, сына Мегакла. Кимон же был возвышен лакедемонянами, тогда враждовавшими с Фемистоклом...»

В связи с данным утверждением Стесимброта существует даже определенная литература [Piccirilli 1982; Cromeu 1991]. Оно очевидным образом неверно: перечисленные здесь сыновья Кимона (кстати, «Элей» – неверное написание, это имя в действительности писалось «Улий») родились в его законном браке с коренной афиняжкой Исодикой из рода Алкмеонидов. Слово же «клиторянка» можно понимать, с одной стороны, как обозначение уроженки города Клитор в Аркадии, с другой же – как обсценное ругательство со смыслом, в общем-то, примерно понятным и поныне.

Даже независимо от факта тенденциозной субъективности большинства сообщений Стесимброта, в данном случае мы, возможно, просто имеем дело с «псевдоперсоной», возникшей в результате порчи рукописной традиции. Высказывалось мнение, что изначально в тексте, из которого происходит этот пассаж, говорилось не о «женщине-клиторянке» (Κλειτορία), а об «оскверненной женщине» (γυναικὸς... ἀλιτρία). Так была названа Исодика, принадлежавшая к роду Алкмеонидов, над которым тяготела «Килонова скверна». Но уже ко времени Плутарха в данный нарративный памятник вторглось искажение, в результате которого и «появилась на свет» никогда в действительности не существовавшая женщина из Клитора.

Stesimbr. FGrHist. 107. F7 = Plut. Cim. 16. 3: «Ведь он (Кимон. – *И. С.*) и сам, по любому случаю возвеличивая Лакедемон в глазах афинян, в особенности когда случалось ему упрекать их или побуждать к чему-нибудь, по словам Стесимброта, имел обыкновение говорить: “А вот лакедемоняне не таковы”. Этим он навлек на себя зависть и некую неприязнь сограждан». Перед нами вновь указание на лаконофильство Кимона, к которому, как мы видели, Стесимброт относится скорее благожелательно. Оставшиеся фрагменты из рассматриваемого нами памфлета относятся всецело к Периклу.

<sup>24</sup> Автор рубежа IV–III вв. до н. э.

Stesimbr. FGrHist. 107. F8 = Plut. Pericl. 26. 1 (речь идет о войне Афин с Самосом): «Когда же из Афин пришел другой, больший флот и самосцы были совершенно осаждены, Перикл, взяв шестьдесят триер, поплыл во внешнее море<sup>25</sup>. По мнению большинства, он хотел встретить финикийские суда, подплывающие на помощь самосцам<sup>26</sup>, и сразиться с ними как можно дальше от острова; Стесимброт же говорит, что он направлялся на Кипр, но это не выглядел правдоподобным».

Если суждения Стесимброта о Кимоне относительно дружественны, то оценка им Перикла, как мы увидим далее, значительно более негативна. Данный фрагмент выглядит нейтральным, но и он может содержать скрытое обвинение. Если, согласно нашему автору, Перикл планировал плавание на Кипр, то, стало быть, он намеревался нарушить условия Каллиева мира с Персией<sup>27</sup>, с момента подписания которого не прошло и десятилетия. Договор этот разграничивал «зоны интересов» в Средиземноморье между афинянами и Ахеменидами: последним запрещалось входить в Эгейское море, а афинский флот не должен был совершать военных экспедиций в такие регионы, как Египет и Кипр.

Stesimbr. FGrHist. 107. F9 = Plut. Pericl. 8. 9: «А Стесимброт рассказывает, что он (Перикл. – *И. С.*), восхваляя с трибуны павших на Самосе, говорил, что они стали бессмертными, словно боги: “Ведь самих их мы не видим, но в почестях, которые им воздаются, и в благах, которые они посылают, имеем свидетельство того, что бессмертные существуют”. Так, по его словам, обстоит дело и с теми, кто погиб за родину».

Этот фрагмент интересен тем, что в нем сохранена цитата из речи Перикла. Последний, как известно, часто получал почетное право сказать надгробную речь (эпитафий) при похоронах погибших воинов. Самый известный из этих его эпитафиев, – безусловно, тот, который был им произнесен в конце первого года Пелопоннесской войны и пересказан Фукидидом в «Истории». Здесь же перед нами другая, более ранняя надгробная речь Перикла, датируемая 439 г. до н. э. Тон фрагмента или нейтральный, или даже позитивный; впрочем, отсутствие контекста не дает права делать категоричные выводы.

<sup>25</sup> В Средиземное море из Эгейского.

<sup>26</sup> Во время осады Самоса ходили никак потом не подтвердившиеся слухи (возможно, распускавшиеся самим Периклом) о том, что Персия намерена оказать восставшим самосцам военную помощь.

<sup>27</sup> Хотя в историографии предпринимались попытки отрицать историчность Каллиева мира, они мало кого убедили. О Каллиевом мире см. прежде всего выкладки Э. Бадиана в [Badian 1993, pp. 1–72].

Stesimbr. FGrHist. 107. F10a = Athen. XIII. 56, p. 589de: «А был этот муж (Перикл. – *И. С.*) весьма падок на любовные дела, так что сожительствовал даже с женой своего сына<sup>28</sup>, как повествует Стесимброт Фасосский, живший в одно с ним время и видевший его, в сочинении, озаглавленном “О Фемистокле, Фукидиде и Перикле”». Данный фрагмент является единственным, в котором дается указание на точное название главного сочинения Стесимброта. И в нем мы уже наблюдаем ярко выраженный негатив. Тому же сюжету, и тоже со ссылкой на рассматриваемого нами памфлетиста, посвящены более пространные пассажи Плутарха (Stesimbr. FGrHist. 107. F10b = Plut. Pericl. 13. 15–16; Stesimbr. FGrHist. 107. F11 = Plut. Pericl. 36), которые мы, впрочем, опустим, поскольку они не добавляют ничего принципиально нового к уже известной нам информации.

Сохранилось также несколько фрагментов со ссылкой на другой труд Стесимброта, имевший заголовок «О тайнствах» (Περὶ τελετῶν). Это сочинение принадлежит к совсем иному жанру, и в нем, насколько можно судить, содержалась в основном мифографическая информация. Поэтому здесь оно нас не интересует, равно как и трактат того же автора по гомеровской проблематике, название которого неизвестно (в нем разбирался ряд частных вопросов, в основном тоже имеющих отношение к мифологии). Соответствующие фрагменты, конечно, отнюдь не являются столь яркими, как взятые из памфлета «О Фемистокле...»; последний, повторим, был у Стесимброта самым главным, именно тем, который увековечил его имя. Не случайно этим памфлетом активно пользовался Плутарх, который имел очень тонкое чутье на хорошие источники.

Следует сказать, что впечатление от прошедших перед нами отрывков остается довольно сильное, особенно если сравнивать их автора не с Геродотом, тоже любителем хорошего анекдота<sup>29</sup>, а с прозаиками, предшествовавшими «отцу истории», такими как Гекатей Милетский, Ферекид Афинский, Гелланик Лесбосский и др. Те писали в основном о древностях, причем писали крайне сухо и непритязательно, а Стесимброт (как и Ион Хиосский) – несравненно ярче, менее архаично, так сказать. Читая эти фрагменты, как будто воочию видишь тот мир, который в них изображается. Рассказ идет о современных автору событиях, перед нами действуют не бледные фигуры героев старины, а живые люди, выдающиеся деятели истории Греции V в. до н. э. Эпитет «живой» лучше всего характеризует и стиль повествования как Иона<sup>30</sup>, так и Стесимброта.

<sup>28</sup> Ксантиспа, старшего из двух законных сыновей Перикла.

<sup>29</sup> Это в полной мере акцентируется в [Flory 1987].

<sup>30</sup> О живости стиля мемуаров Иона см., в частности, [Pelling 2007].

Причем это такая живость, злободневность, что она временами доходит до тенденциозности, у Стесимброта даже до инсинуаций.

Что же касается политической направленности памфлета «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле», она выявляется из следующего: в негативном свете в нем представлены лидеры радикальной демократии – Фемистокл и Перикл, в более позитивном – представитель противоположного лагеря Кимон (и, надо полагать, также его единомышленник Фукидид, сын Мелесия, хотя фрагментов, непосредственно сообщающих о нем, не сохранилось). Таким образом, к Стесимброту можно отнести то, что выше говорилось о греческих интеллектуалах этой эпохи в целом в связи с их скорее антидемократическими взглядами.

### *Литература*

- Суриков 2006 – *Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. М.: Языки славянских культур, 2006. 640 с.
- Суриков 2015 – *Суриков И.Е.* Античная Греция: ментальность, религия, культура. М.: Языки славянской культуры, 2015. 720 с. (Opuscula selecta I)
- Суриков 2019 – *Суриков И.Е.* Семья Фемистокла в Магнесии-на-Меандре: (Малоизвестный эпизод истории греческой тирании) // Вестник древней истории. 2019. Т. 79. № 3. С. 569–585.
- Суриков 2021 – *Суриков И.Е.* Античная Греция: механизмы политической жизни. М.: Изд. дом ЯСК, 2021. 688 с. (Opuscula selecta III)
- Туманс 2004 – *Туманс Х.* Псевдо-Ксенофонт – «старый олигарх» или демократ? // Вестник древней истории. 2004. № 3 (250). С. 14–27.
- Badian 1993 – *Badian E.* From Plataea to Potidaea. Studies in the history and historiography of the Pentecontaetia. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1993. XII, 264 p.
- Cromey 1991 – *Cromey R.D.* The mysterious woman of Kleitor // American Journal of Philology. 1991. Vol. 112. No. 1. P. 87–101.
- Eder, Heftner 2002 – *Eder B., Heftner H.* Т 18–21. [Andokides] 4, Gegen Alkibiades. Vorbemerkungen: Verfasserschaft und Abfassungszeit der Rede // Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.) / Hg. von P. Siewert. Stuttgart: Steiner, 2002. S. 277–282.
- Farrar 1994 – *Farrar C.* The origins of democratic thinking. The invention of politics in classical Athens. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. X, 301 p.
- Flory 1987 – *Flory S.* The archaic smile of Herodotus. Detroit: Wayne State University Press, 1987. 204 p.
- Fuks 2010 – *Fuks A.* The ancestral constitution. Four studies in Athenian party politics in the end of the fifth century B.C. L.; N.Y.: Routledge, 2010. IX, 124 p.

- Furley 1989 – *Furley W.D.* Andokides IV ('Against Alkibiades'). Fact or fiction? // *Hermes*. 1989. Bd. 117. Ht. 2. S. 138–156.
- Gagarin 2002 – *Gagarin M.* Antiphon the Athenian. Oratory, law, and justice in the age of the sophists. Austin, University of Texas Press, 2002. XI, 222 p.
- Heftner 2001 – *Heftner H.* Die pseudo-andokideische Rede "Gegen Alkibiades" ([And.] 4) – ein authentischer Beitrag zu einer Ostrakophoriadebatte des Jahres 415 v. Chr.? // *Philologus*. 2001. Bd. 145. Ht. 1. S. 39–56.
- Jennings, Katsaros 2007 – *Jennings V., Katsaros A.* Introduction // *The world of Ion of Chios* / Ed. by V. Jennings, A. Katsaros. Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 1–14.
- Marr, Rhodes 2015 – *Marr J.L., Rhodes P.J.* The 'Old Oligarch'. The constitution of the Athenians attributed to Xenophon. Oxford: Oxbow Books, 2015. XI, 178 p.
- Nails 2002 – *Nails D.* The People of Plato. A prosopography of Plato and other Socratics. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2002. XLIII, 414 p.
- Ober 1998 – *Ober J.* Political dissent in democratic Athens. Intellectual critics of popular rule. Princeton: Princeton University Press, 1998. XV, 417 p.
- Pelling 2007 – *Pelling C.* Ion's *Epidemiai* and Plutarch's Ion // *The world of Ion of Chios* / Ed. by V. Jennings, A. Katsaros. Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 75–109.
- Pelling 2016 – *Pelling C.* Herodotus, Polycrates – and maybe Stesimbrotus too? // *Journal of Hellenic Studies*. 2016. Vol. 136. P. 113–120.
- Piccirilli 1982 – *Piccirilli L.* Γυνή Κλειτορία, κλειτορία, ἀλτιηρία moglie di Cimone // *Rivista di filologia e d'istruzione classica*. 1982. Vol. 110. Fasc. 3. P. 278–282.
- Piccirilli 1984 – *Piccirilli L.* Il filolaconismo, l'incesto e l'ostracismo di Cimone // *Quaderni di storia*. 1984. Vol. 10. No. 19. P. 171–177.
- Rhodes 1985 – *Rhodes P.J.* A commentary on the Aristotelian *Athenaion Politeia*. Oxford: Clarendon Press, 1985. XIII, 795 p.
- Schachermeyr 1965 – *Schachermeyr F.* Stesimbrotos und seine Schrift über die Staatsmänner. Wien: Böhlau, 1965. 23 S.
- Schachermeyr 1974 – *Schachermeyr F.* Forschungen und Betrachtungen zur griechischen und römischen Geschichte: Herausgegeben aus Anlass seines 80. Geburtstages. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1974. VII, 456 S.
- Wade-Gery 1958 – *Wade-Gery H.T.* Essays in Greek history. Oxford: Blackwell, 1958. XVI, 301 p.

## References

- Badian, E. (1993), *From Plataea to Potidaea. Studies in the history and historiography of the Pentecontaetia*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore, Maryland, USA.
- Cromey, R.D. (1991), "The mysterious woman of Kleitor", *American Journal of Philology*, vol. 112, no. 1, pp. 87–101.
- Eder, B. and Heftner, H. (2002), "T 18–21. [Andokides] 4, Gegen Alkibiades. Vorbemerkungen: Verfasserschaft und Abfassungszeit der Rede", in Siewert, P.

- (ed.), *Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.)*. Steiner, Stuttgart, Germany, S. 277–282.
- Farrar, C. (1994), *The origins of democratic thinking. The invention of politics in classical Athens*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Flory, S. (1987), *The archaic smile of Herodotus*, Wayne State University Press, Detroit, Michigan, USA.
- Fuks, A. (2010), *The ancestral constitution. Four studies in Athenian party politics in the end of the fifth century B.C.* Routledge, London, UK, New York, USA.
- Furley, W.D. (1989), “Andokides IV (‘Against Alkibiades’). Fact or fiction?”, *Hermes*, Bd. 117, Ht. 2, SS. 138–156.
- Gagarin, M. (2002), *Antiphon the Athenian. Oratory, law, and justice in the age of the sophists*, University of Texas Press, Austin, Texas, USA.
- Heftner, H. (2001), “Die pseudo-andokideische Rede ‘Gegen Alkibiades’ ([And.] 4) – ein authentischer Beitrag zu einer Ostrakophoriadebatte des Jahres 415 v. Chr.?”, *Philologus*, Bd. 145, Ht. 1, SS. 39–56.
- Jennings, V. and Katsaros, A. (2007), “Introduction”, in Jennings, V. and Katsaros, A. (eds.), *The world of Ion of Chios*, Brill, Leiden, Netherlands, Boston, Mass., USA, pp. 1–14.
- Marr, J.L. and Rhodes, P.J. (2015), *The ‘Old Oligarch’. The constitution of the Athenians attributed to Xenophon*, Oxbow Books, Oxford, UK.
- Nails, D. (2002), *The people of Plato. A prosopography of Plato and other Socratics*, Hackett Publishing Company, Indianapolis, Indiana, USA.
- Ober, J. (1998), *Political dissent in democratic Athens. Intellectual critics of popular rule*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Pelling, C. (2007), “Ion’s *Epidemiai* and Plutarch’s Ion”, in Jennings, V. and Katsaros, A. (eds.), *The world of Ion of Chios*, Brill, Leiden, Netherlands, Boston, USA, pp. 75–109.
- Pelling, C. (2016), “Herodotus, Polycrates – and maybe Stesimbrotus too?”, *Journal of Hellenic Studies*, vol. 136, pp. 113–120.
- Piccirilli, L. (1982), “Γυνὴ Κλειτορία, κλειτορία, ἀλιτηρία moglie di Cimone”, *Rivista di filologia e d’istruzione classica*, vol. 110, fasc. 3, pp. 278–282.
- Piccirilli, L. (1984), “Il filolaconismo, l’incesto e l’ostracismo di Cimone”, *Quaderni di storia*, vol. 10, no. 19, pp. 171–177.
- Rhodes, P.J. (1985), *A commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*, Clarendon Press, Oxford, UK.
- Schachermeyr, F. (1965), *Stesimbrotos und seine Schrift über die Staatsmänner*, Böhlau, Wien, Österreich.
- Schachermeyr, F. (1974), *Forschungen und Betrachtungen zur griechischen und römischen Geschichte: Herausgegeben aus Anlass seines 80. Geburtstages*, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Wien, Österreich.
- Surikov, I.E. (2006), *Ostrakizm v Afinakh* [Ostracism in Athens], Yazyki slavyanskikh kul’tur, Moscow, Russia.

- Surikov, I.E. (2015), *Antichnaya Gretsia: mental'nost', religiya, kul'tura* [Ancient Greece. Mentality, religion, culture], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia. (*Opuscula selecta I*)
- Surikov, I.E. (2019), "Themistocles' family in Magnesia on the Maeander: (A little-known episode from the history of Greek tyranny", *Vestnik drevnei istorii*, vol. 79, no. 3, pp. 569–585.
- Surikov, I.E. (2021), *Antichnaya Gretsia: mekhanizmy politicheskoi zhizni* [Ancient Greece. Machinery of political life], Izdatel'skii dom YaSK, Moscow, Russia. (*Opuscula selecta III*)
- Tumans, H. (2004), "Pseudo-Xenophon, an 'Old Oligarch' or a democrat?", *Vestnik drevnei istorii*, vol. 250, no. 3, pp. 14–27.
- Wade-Gery, H.T. (1958), *Essays in Greek history*, Blackwell, Oxford, UK.

### *Информация об авторе*

*Игорь Е. Суриков*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; isurikov@mail.ru

### *Information about the author*

*Igor E. Surikov*, Dr. in Sci. (History), professor, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32a, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; isurikov@mail.ru